

Чёрный ящик

Легче всего люди верят в самое невероятное

1

Бенедикт Бенедиктович к своим 25 годам успел испытать любовь к трем женщинам и двум видам пирожных.

До 18 лет Бенедикт питал страсть к пирожному с заварным кремом, после – предпочитал пирожное «картошка». Этот зигзаг произошел из-за той неприятной истории с грустным днем рождения, могучим во всех отношениях тортом «Солянка» и пищевым отравлением.

С женщинами все было менее определено.

Примерно с 17 до 19 лет он был влюблен в Машу Журавлеву, одноклассницу с выдающимися способностями. Во всяком случае, Бенья не видел таких – ни до, ни после.

Тем не менее, душевной июньской ночью в жизнь Бенедикта без объявления войны вторглась Эльза Нойманн с математического факультета. И в течение следующего года Бенья любил то Машу, то Эльзу – с переменным успехом.

Позднее Бенедикт начал было стабильную жизнь с Эльзой, разум которой орудовал числами и терминами Беньке неподвластными. Все шло хорошо, все как у людей. Но через пару лет Бенья как подменили: все ему стало не то. И он ушел. Ушел к нарисовавшейся на горизонте лунолицой Айгуль, мусульманской красавице. У нее не было ни выдающихся способностей, ни возможности жонглировать мыслями и идеями, даже фамилию – и ту не вспомнить. Вот оно - простое женское очарование, граждане.

Когда Бенедикту стукнуло 25, он и сам уже не знал, какой черт дернул его уйти к Айгуль. Не до конца Бенья понимал и то, отчего по вечерам с тоской и нежностью он вспоминает Машу и Эльзу, которые остались где-то так далеко, что даже юркие телеграммы туда не ходили, что уж говорить о жесткокрылых самолетах или неповоротливых поездах. И если насчет пирожного с заварным кремом Бенедикт Бенедиктович, прошагав четверть века, мог сказать совершенно определенно: «Не люблю», то по поводу Эльзы – и особенно Маши – только откроет рот, да тут же его закроет. Наверное, все потому, что с годами в памяти остается только хорошее, чем дальше, все только лучше и лучше, все меньше и меньше.

Это были, пожалуй, самые сильные переживания Беньки. Больше ничего примечательного из своей вяло текущей жизни он выделять не решался.

2

В надежде на скорую встречу с зимой на улице мерз ноябрь, придерживая под пальто завернутый во вчерашнюю газетку букет холодных цветов. Ветер, бесчувственная скотина, то и дело лапал цветы, пытаясь прикоснуться к прекрасному. Судя по глазам, похожим на поздний воскресный вечер, ожидание несколько затянулось, но... Но – довольно о погоде.

Бенедикт плохо себя чувствовал и ехал домой болеть. Зима горсть за горстью бросала снег на крышку автобуса и, кажется, вполне серьезно завывала что-то за упокой. Так бы Бенья и умер во сне около гудящей автобусной печки – в тепле, в толпе, в тулупе – и повели бы его за собой пять победоносных завоевателей, а божественные матери пяти семей защищали бы его сзади... Но этому помешала старая Жар-птица, которая шумно взлетела неподалеку. Солнце охнуло, беспокоясь за свою девочку – от этого Бенья и проснулся. Почуввав нужную остановку, с полными глазами песка он проковылял к двери и сунул деньги в сторону «кассы». Монетки утонули в руке водителя, окончательно распухшего от одежды и обязанностей, и дверь открылась. Зима, так и не изменившаяся за

все эти годы, нежно поприветствовала Беньку сугробом, куда он спросток не преминул провалиться.

Сугроб тут же выплюнул добычу. Так-то правильно: съешь такого – еще непонятно чем заразишься. Большой с завидной скоростью преодолел привычную полосу препятствий, открыл еще несколько дверей и наконец-то оказался дома. Но что-то было определенно не так. Привычную картину мира явно нарушала незнакомая черная собака в прихожей, самым пристальным образом смотревшая прямо на Бенедикта. Пёсьи глаза глядели по-человечьи и как будто рассказывали о непростой жизни где-то у подножия Москвы: 15 минут до автобуса, 25 до метро, плотный график, жена-сука, двое щенков-оболтусов... Бенедикт уже почти гавкал на одну столичную шавку, слишком задрвшую свой нос, когда его отвлек быстрый и явно женский стук в дверь.

Это оказалась барышня приятной наружности в огромной нечесаной копне рыжих волос. По тому, как она упорно смотрела хозяину квартиры в глаза через дверь, казалось, что она и пес – одного поля ягоды. Бенька открыл.

- Ты чего тут делаешь?

Девушка прошла через Бенедикта и присела напротив собаки. Парень хотел что-то сказать, но закашлялся. Собака виляя хвостом деловито пошла в комнату.

Девушка, не спеша исчезая вслед за своим питомцем, представилась:

- Я Вера. А псину зовут Басё.

- Бенедикт... В смысле, Вы кто? Что здесь делаете?

- Ты был на улице?

- Да только что оттуда, но...

- Значит, рассказывать о том, как сегодня плохо зиме, я не буду. А Басё требует тепла и покоя на вечер.

- Как собака оказалась внутри моей квартиры?

- В двух словах и не объяснишь... - слегка озадаченная рыжая головешка выглянула из комнаты и тут же укатилась обратно. - Если скажу, что я – молодой бог, ты мне поверишь?

Тут Бенедикт наконец-то зашел в комнату. Она немного изменилась: все следы холодного уюта, который здесь правил бал и трогал быль вот уже полгода, исчезли. На полу разгорался костерок, в нем потрескивала вся нехитрая мебель Бенедиктовой комнатки. На коврик у огня примостился пёс-Басё, и его черная тень уже разрасталась на стене, готовая схватить собаку, если та забудется и потеряет осторожность. Вера что-то поджаривала, наколов это что-то на ветку.

- Что за...

- Да ладно тебе, все как обычно.

У Беньки закружилась голова, а когда он пришел в себя, то все лежало на своих местах. Басё, свернутый в бублик, грелся около батареи. Вера сидела около компьютера и вертелась в кресле. Кресло мурлыкало – для милых дам всегда приятно поработать каруселькой. Поначалу... Но мы отвлеклись.

- Не хочешь ничего менять в своей жизни, да, Бенечка? – и Вера, наматывая очередной круг, свалилась с кресла на пол.

- Ну и болезнь, - парень потер глаза. - И я, кажется, не разрешал вам оставаться.

- Бенька, друг ты мой единственный, - мягким моторчиком сказала Вера, вырастая максимально близко и нежно обнимая. - Можно мы с пёсиком у тебя переночуем?

- Почему у меня? – от девушки пахло фейерверками и теплом, а в горле у Бени все затянуло пустыней. И перекасти-поле перекастилось.

- Нам здесь понравилось. Пожалуйста!..

- Гм. Ладно, красть у меня все равно нечего, но...

- Подсаживайся, сосиски скоро будут готовы, - Вера уже сидела у костерка, подкидывая в огонь для растопки эти неожиданные объятия.

- Какие сосиски? – Тут Бенедикт заметил, что костер все так же тесно общался с мебелью, а Басё топтался около хозяйки и выпрашивал что-то вкусное.

- Квартира же сгорит, с ума сошла!

- Не сгорит, я тебе обещаю. Ты веришь мне? – и она посмотрела на него. Кажется, никто не мог выглядеть более убедительно.

- Верю, – автоматически сказал Бенька и подумал, что не врет. – А чего это я верю?

- Потому что я тебе нравлюсь и у тебя нет выбора, – пожав плечами, сказала спина Веры. – Держи, почти с царского стола, – И она протянула ему шкворчащие сосиски со стаканом чего-то горячего. – А это выпей целиком. Сегодня будет паршиво, а завтра выздоровеешь.

- Ты кто? – сквозь ужин спросил Бенька. Сосиски были удивительно вкусными, а напиток выигрывал у любого глинтвейна по всем статьям.

- Саламандра.

- Ты саламандра?

- Конечно, нет. Иначе у меня бы был хвост, – и Вера звонко хлестнула диван хвостом.

Бенька решил ничему не удивляться, да и было это несложно – упорно ползущая, как альпинист на новую вершину, температура потихоньку оставляла все заботы позади, в суете городов, оставляя у сердца только одну – когда же наконец пик будет покорен.

Как выяснилось, саламандра Вера хотела сделать особенный подарок своему отцу на ночь смены тысячелетий. Она решила приготовить водку по древнему рецепту гуру Падмасамбхавы, который когда-то был ее учителем. Для этого были необходимы девять не самых ходовых на рынке ингредиентов: яд из мозга свирепого белого льва, пена из пасти разъяренного слона, яд из жала ядовитой змеи, слюна из пасти бешеной собаки, яд из костного мозга девяти демонических плясунов, зрачок глаза волка, мясо трупа, утробная кровь женщины-ракшаса. Последний – мед злой пчелы – не позволял людям отказаться от дальнейшего употребления напитка и топил всю их жизнь

- А как же твой папа?

- Он же не человек. Этот мед избавит его от похмелья.

- Составляющие, кажется, не совсем легальны. Мясо трупа, например.

- А кто говорил, что я добрая? Я же злая на самом деле, – Вера сделала холодные глаза и зарычала по-звериному...

Бенька узнал еще и то, что такая водка продлевает жизнь на пару сотен лет. Боги тоже не бессмертны, потому что Время – единственная из пяти стихий, которая ничему не подчиняется, так как является первоосновой. Из него появился и Огонь, папа саламандры Веры. И боги, и демоны могут лишь принимать время от Времени, и то потому, что приходится ему дальней родней. Что уж говорить про...

- А я? – вырвалось у Беньки.

- А что ты? Ты, Бенечка, в положенное кадаром время ляжешь и не встанешь. Я же знаю вас, людей. Время для вас давно уже слилось в одну бесформенную лужу, которая тает на солнышке. Под конец вы лакаете из нее, но это бесполезно. Да, от этого вы становитесь мудрее, язык ваш раздваивается по-змеиному, и вы начинаете наставлять всех на путь истинный, но выходит только змеиное шипение... Некоторые, правда, еще ядом брызгаются.

Бенедикт молчал.

- Ладно, не кисни. Помни: перед расставанием всегда есть встреча.

- Что?

- И почему я с тобой об этом говорю?.. Ох, не зря говорят: язык покинет и мне повезет. Или как там? В общем, ты понимаешь, что смерть неизбежна, воробей – птица, а Россия – наше с тобой отечество? Память, по слухам, настолько же сильна, как и смерть, как и время. Память всегда будет стараться сохранить тебя. И если ты сможешь в последний момент собрать всю свою память, то есть шанс на продолжение. Люди, прежде,

чем попасть на стол Времени, проходят через Огонь, моего отца. Если он, увидев твои воспоминания, узнает в тебе родственника, пусть и дальнего, то может не отдать этому старику с часами, выпустить обратно в мир за новыми историями. Огню это разрешается. Разумеется, ты ничего не вспомнишь, память останется у моего папы, он коллекционирует самые искренние минуты, как бабочек. Но твой образ мыслей, внутренняя суть, душа, если у тебя таковые есть, - останутся прежними.

- А если ничего не получится?

- Тогда ты попадешь на стол ко Времени и оно тебя употребит. Хотя я точно не знаю, я еще маленькая.

- Когда я буду умирать... - Бенька запнулся. - Как вспомнить все?

- Ну как Шварценеггер на Марсе вспоминал? Шучу. Вообще-то все достаточно хранить в голове, но она ведь у тебя дырявая. Вон сколько волос вылезло, почему не засовываешь обратно? Для лучшей сохранности можно складывать все в черный ящик, а в нужный момент держать его при себе. Например, такой, - и Вера пнула ногой нарисовавшийся черный ящичек, напоминающий коробку из-под обуви.

- Особые свойства сохранения материи? - Бенедикт осторожно взял в руки хранилище.

- Нет, черный выглядит прочнее. Смотри, - Вера вытащила из кармана молоток и начала стучать им по ящичку. Молоток рос на глазах и очень быстро стал размером с кувалду. Вера замахнулась для нового удара...

- Стоп! - Бенька вытащил помятую коробку из эксперимента и отошел подальше. Вера не удержалась и шарахнула молотком по полу, из-за чего Басё подпрыгнул и залаял, а с потолка посыпалась штукатурка.

- Много не поместится. Может быть, бумага...

- Так пиши же мне письма мелким почерком, о Бенедикт, сын Бенедикта, и тогда, может быть, тебя не сожрет Время! - Молоток исчез в костре, огонь вспыхнул до потолка, а Вера демонически захохотала, как в кино.

- Прекрати хованщину! Меня соседи убьют!

- А ты не боишься, что тебя убью я? - Вера оказалась на том хрупком расстоянии, на котором мужчина, будучи пьяным, держит перед своей женщиной, как своеобразный щит, плохой букет случайных цветов. Бенедикт растерянно почувствовал, что может попасть на стол привилегированным особам гораздо раньше, чем предполагал.

- Ну ладно, ладно... Все. Хочешь чаю? Кофе?

- О, а халва у тебя есть? Или козинаки? Кофе с козинаками - это, между прочим, пища богов...

3

- А теперь, Бенья, тебе нужно стремительно заснуть, ты болеешь.

- Но я хотел спросить...

- Гляди дальше своего «но», Бенья! Болезнь придет, увидит, что ты спишь, такой скучный, и уйдет от тебя. Тут ты и выздоровеешь. Басё, хватит валяться, помощи-ка, мой помогиканин.

- Я тебя еще увижу?

- Очень нескоро.

Тут собака опрокинула сидящего на диване Беньку и положила тяжелую морду ему на ребра. Стало тепло и приятно, Бенедикт глубоко зевнул, и сон бодро зашагал по шершавому языку навстречу неизвестности.

Утро поприветствовало Бенедикта позже обычного: у солдата - выходной. Проснувшись около полудня, он еще долго пытался сообразить, была ли эта странная встреча на самом деле. Под носом было два весомых аргумента - черный пес с умными глазами и черный ящичек, похожий на коробку из-под обуви.

Вспомнив, Бенья долго смотрел на ящик, вспоминая подробности вчерашнего разговора. Решив, что катастрофа смерти все-таки неизбежна, Бенедикт вытащил пачку чистой бумаги. Через несколько минут он уже что-то неровно писал. Строки давали крен, потому что слова были тяжелыми, а спастись хотели все...

4

Бенедикт прожил долгую жизнь, порядком искусанную событиями. Сначала от страха, а потом уже по привычке, он делал то, чего боялся, и, надо сказать, временами на бумаге в черном ящике появлялись любопытные истории. Немало он написал, немало придумал – и написал. Мысль о женщинах и пирожных, когда-то бывшая чуть ли не единственным животрепещущим переживанием во всем Бенедикте, со временем стала лишь маленькой частью того, что в нем выросло.

Одна из последних записей в ящичке была такой:

«Вновь выпил вина,
А все никак не усну,
Такой снегопад». Басё.

Снова зима. Никто не может сопротивляться белоснежной ржавчине. Этот снег такой же старый, как и молодые боги. Седой, он еще с Ганнибалом сражался бок о бок с Цезарем. Гудите, печи, работайте, сердца. Я принимался к сердцам прохожих, они пахнут трухой. Печи уже давно ждут угля и работают на вчерашних газетах. Скоро и меня заметет... (неразборчиво) скажи мне, напиши, позвони, отправь сообщение или просто приходи, есть халва и початая пачка кофе, потому что у меня на груди лежит не твой черный пёс, а ощущение, что ничего будто и не было никогда, ни единого человека, только снег, снег, снег. Я уже мало что могу рассказать, еще меньше – вспомнить. Мне кажется, это воображение обыгрывает меня. Я держусь за этот черный ящик, потому что знаю – он держит меня. Как будто я сам лежу в этой черной коробке».

А когда Бенья последний раз выдохнул, то оказался на каком-то празднике, где были все, кого он знал, любил и успел потерять. Это был праздник Смерти, которая выглядела все так же приятно, как и много лет назад, только нечесаную копну волос сменили два аккуратных хвостика. Смерть принимала подарки - черные ящики с воспоминаниями. Люди знали, что делают, отдавая ей свое добро, потому что настоящие богатства были не здесь, не в этих бумажках, - это понимал каждый из гостей. Смерть, кажется, была не в духе и беспомощно лакомилась содержимым ящичков. А люди радовались этой громадной встрече, плакали и смеялись, смотрели и не могли насмотреться, говорили и не могли остановиться – ведь все это означало, что нету разлук и Смерть все равно соберет всех вместе. Забыв про ее обман, многие даже жалели виновницу торжества: от такого количества сладкого девушке может стать плохо. Другие мимоходом предполагали, исходя из собственного опыта, что на сладкое частенько набрасываются от плохого настроения, неприятностей или горя. Некоторые старушки, не ведая, что творят, по привычке крестили девчонку и именем бога благодарили ее в соленый платочек.